

В.К.Косс

**Я родила
ребенка женщине,
которая забрала
моего мужа**

В.К. Косс

**Я родила ребенка женщине,
которая забрала моего мужа**

«Автор»

2026

Косс В.

Я родила ребенка женщине, которая забрала моего мужа /
В. Косс — «Автор», 2026

Одиннадцать дней назад я родила сына для Веры и Андрея. Сегодня мой муж собирает чемодан: он уходит к Вере. Я знала, что ребенок не останется со мной. Не знала, что вместе с ним потеряю привычную жизнь. Теперь нужно объяснить дочери, почему папа больше не ночует дома, вернуться к переплетному столу и научиться отвечать на простое «Как ты?» без заготовленных слов. Андрей тоже не сразу узнал, что происходит в его семье. Поначалу нас связывали только обман и мальчик, которого я выносила для него и другой женщины. Но рядом с ним мне снова хочется близости. А в его доме стоит детская кроватка, и я еще не понимаю, найдется ли там место для меня самой.

Содержание

Глава 1. Коньки у двери	5
Глава 2. Отдельный счет	8
Глава 3. Андрей еще не знал	10
Глава 4. Мои руки помнят вес	12
Глава 5. Воскресный папа	14
Глава 6. Чужая коляска	16
Глава 7. Цена моего согласия	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

В.К. Косс

Я родила ребенка женщине, которая забрала моего мужа

Глава 1. Коньки у двери

Павел вынул из чемодана Варины коньки и поставил их возле двери. Лезвие стукнуло по плитке. После январской поездки мы так и не разобрали чемодан до конца. Я посмотрела на чехлы: один давно порвался, и мы все собирались купить новые.

— Ты не забудь, что завтра обещал ей каток, — сказала я.

Он присел, поправил чемоданную молнию. Была суббота, восьмое февраля. Я еще думала, что он едет на съемку. Заказчики иногда просили приехать в выходной, пока склад пустой. Возле его сумки лежала коробка с объективом, на плечиках висели две рубашки.

— Нин, я не на работу.

Я держала мокрое полотенце. Хотела повесить в ванной, но по дороге увидела чемодан и остановилась.

— А куда?

Он потянул молнию, но бегунок захватил край подкладки. Павел дернул сильнее. Я уже хотела сказать, что так он порвет ткань.

— К Вере.

— С Тимом что-нибудь?

— С ним все хорошо.

Я подождала. В комнате у Вари играла музыка: она разучивала школьный танец и всякий раз начинала сначала на одном и том же месте. Одиннадцать дней назад я родила мальчика для Веры и ее мужа. Четыре дня назад они прислали мне фотографию: ребенок лежал в зеленом комбинезоне, которого я никогда не видела. Я сохранила снимок, но больше не открывала.

— Я к ней жить, — сказал Павел.

Полотенце остыло у меня в руках.

Я посмотрела на рубашки. Не мог же он складывать их, пока я на кухне резала Варе яблоко, и все это время уже знать. Хотя именно так, очевидно, и было.

— К Вере Ланской?

Он поднял голову. Другой Веры, к которой он мог бы уйти жить, у нас не было. Я все равно ждала ответа.

— Да, Нин. К ней.

Музыка в комнате остановилась. Варя позвала:

— Пап, посмотри!

— Сейчас, — ответил он.

И не пошел.

Я повесила полотенце на дверную ручку. Медленно, расправляя складку. Потянуло внизу живота, я придержала пояс домашних брюк. В роддоме мне казалось, что самое трудное уже случилось: отдать ребенка тем, кто ждал его дольше, чем я вынашивала, выйти налегке, хотя тело еще не поняло, что можно идти.

Павел в тот день принес мне сапоги. Сел передо мной на корточки и застегнул молнию: наклоняться было больно. Я смотрела на его макушку и думала, как хорошо, что дома меня ждут свои.

— Давно? — спросила я.

— Давай не сейчас.

— Когда? Завтра на катке?

Он поморщился и оглянулся на Варину дверь.

— С ноября. Но это не так, как ты сейчас представляешь.

В ноябре я почти перестала спать на спине. Павел покупал мне кислые яблоки, а Вера присылала сообщения: «Ты мой самый близкий человек сейчас». Я пыталась вспомнить, когда она написала это впервые. Вечером? Павел был тогда дома?

— Ты хочешь сказать, вы не спали?

Он замолчал. Мне хватило.

Варя выбежала в коридор в одних колготках. Увидела открытый чемодан, присела возле него.

— Ты на сколько?

Я протянула руку, чтобы поднять ее, и не дотянулась. Дочь сама встала. Восемь лет — уже слишком большая, чтобы схватить и унести, и еще совсем маленькая для того, что нам предстояло сказать.

— Нам с мамой надо пожить отдельно, — начал Павел.

— Зачем?

Он посмотрел на меня. Я не помогла.

— Мы перестали ладить.

Варя нахмурилась.

— Вы же не ругались.

— Иногда так бывает и без ссор.

Я отошла к кухне. Раковина была полна посуды, на столе темнело недоеденное яблоко. Вчера Павел держал меня ночью за руку: я проснулась и не могла снова заснуть. Он спросил, не принести ли воды. Никаких ссор, действительно.

— Мам, ты согласна? — спросила Варя.

— Нет, — сказала я. — Я не хотела, чтобы папа уходил.

Павел резко выпрямился.

— Не надо ее втягивать.

Я посмотрела ему в лицо. Мне вдруг захотелось ударить — не сильно, по губам, чтобы он перестал выбирать такие удобные слова. Я испугалась этого желания и сцепила руки за спиной.

— Варя ничего не решает за нас, — сказала я. — Но я не буду говорить ей, что мы оба этого хотели.

Дочь стояла между нами. Я опустилась на корточки, опираясь на стену.

— Ты здесь живешь со мной. Папа будет с тобой встречаться. Сегодня нам всем очень трудно, но ты ни в чем не виновата.

— Я знаю, — быстро ответила она.

По тому, как быстро, я поняла, что не знает.

Павел застегнул чемодан. Предложил отвезти Варю к моей маме. Я отказалась: не могла сейчас отпустить ее с ним даже на двадцать минут. Он сказал, что будет на связи. Возле порога нагнулся завязать шнурок, потом долго искал зарядку. Я принесла ее из спальни. Провод уже был скручен, я еще вечером собрала его, когда убирала возле кровати.

Когда он вышел, Варя взяла коньки.

— Он забыл.

— Оставь пока здесь.

— А завтра?

Я не знала.

Она отнесла их в свою комнату и закрыла дверь. Я прислонилась лбом к прохладному косяку, постояла, потом пошла за телефоном. На экране было утреннее сообщение Веры: «Как ты себя чувствуешь?»

Я набрала ответ. Стерла. Позвонила.

Она взяла не сразу.

— Нина, я хотела сама с тобой поговорить.

Из трубки донесся детский плач. Мне показалось, я узнала голос Тима. Сама не понимала, как это возможно: после родов я слышала его всего несколько раз. Вера сказала кому-то рядом: «Подержи его, пожалуйста».

— Он уже приехал? — спросила я.

Она поняла, кого я имею в виду.

— Еще нет.

— Тогда у тебя есть немного времени. Скажи мужу сама.

— Что?

— Скажи Андрею, — повторила я и отключилась.

Глава 2. Отдельный счет

Мама приехала утром с двумя сумками. В одной была еда, в другой — мои детские поддеальники: у нее закончились подходящие пакеты, и она завернула в ткань банки, чтобы не звенели.

— Ты ему звонила? — спросила с порога.

Я покачала головой.

— И не звони.

Она начала снимать сапоги, чуть не опрокинула банку, рассердилась на молнию. Я узнала этот способ не заплакать. У нас в семье сначала всегда находилось дело для рук.

Варя еще спала. Ночью пришла ко мне, легла на Павлову половину и долго лежала с открытыми глазами. Я делала вид, что не замечаю. Потом она спросила, вернется ли он, если я перестану работать по выходным. Это он вчера ничего такого не говорил. Она сама нашла объяснение из тех обрывков, которые слышала годами.

Я сказала, что папа ушел не из-за моей работы. Варя спросила: «А из-за чего?» Я ответила, что сама еще не все понимаю. Она отвернулась к стене, и я долго смотрела на ее затылок.

На кухне мама убрала еду в холодильник, отодвинула чашку с засохшим чаем.

— Деньги хоть пришли?

— Все.

— Он не успел снять?

— Они на моем счете.

Она села. Я достала из ящика папку. Нотариальный брачный договор лежал в самом конце, в прозрачном файле с треснувшим углом. Весной, до программы, я настояла, чтобы мы отдельно оформили, кому принадлежат выплаты. Павел тогда обиделся. Потом сказал: «Как тебе спокойнее» — и поехал со мной к нотариусу.

Наверное, некоторые вещи я все-таки предусмотрела. От этого было почему-то еще противнее: приготовилась к спору о деньгах, а не к тому, что муж будет спать с женщиной, чей ребенок толкается у меня под ребрами.

Мама не стала читать договор.

— Я же говорила, — произнесла она тихо.

Я закрыла папку.

— Пожалуйста.

— Я не про то, чтобы тебя упрекнуть.

— А получается именно это.

Она подвинула сумку ногой, посмотрела на меня. Лицо сразу стало старше. Маме было пятьдесят восемь; раньше мне казалось, что к этому возрасту люди уже знают, как правильно говорить в любой беде.

— Прости, — сказала она. — Я всю дорогу думала, что скажу, а вышло вот это.

Я подвинула к ней чашку. Мы немного посидели молча.

Когда я соглашалась на программу, я прежде всего считала деньги. Мне хотелось своего жилья. Нам подняли аренду второй раз за год, Варя делала уроки на кухне, пока я там же клеила чужие альбомы. В переплетной, где я работала, платили сдельно. Можно было взять еще двадцать книг и почти не видеть дочь. Можно было ждать, пока накопится первый взнос. Я ждала уже несколько лет.

Объявление я увидела сама. Прочла условия, закрыла. Через неделю вернулась.

Между первым звонком и переносом эмбриона прошло много времени: обследования, беседы, документы. Я умела читать мелкий шрифт, задавала неловкие вопросы. У меня был здоровый собственный ребенок, подходящий возраст и заключение врачей. Отдельно требо-

валось письменное согласие Павла. Он дал его не сразу. Первые дни говорил, что ему будет странно видеть меня беременной от чужих людей. Я объясняла, что никакого «от» в привычном ему смысле здесь нет. Я не встречаюсь с мужчиной. В клинике перенесут эмбрион Веры и Андрея. Мои клетки не используют.

Потом мы пошли смотреть квартиры. Маленькая двухкомнатная на первом этаже пахла свежей краской. Варя сразу выбрала себе комнату. На обратном пути Павел сам спросил, что нужно подписать.

Воспоминание о той квартире теперь злило: он тоже стоял в дверях Вариной будущей комнаты, тоже представлял себе наш переезд.

— Ты ей верила? — спросила мама.

Я поняла, что речь о Вере.

— Да.

Вера была старше меня на восемь лет. У нее был свой цветочный склад, хороший слух на смешные интонации и привычка отвечать на сообщения ночью. Мы познакомились в клинике. Она привезла целую папку вопросов и не задала ни одного, пока я не допила воду. Потом спросила, как зовут мою дочь. Записала имя на полях.

На первой встрече Вера плакала. У нее потек нос, она полезла в сумку и никак не могла найти салфетку. Я дала свою. Мы обе засмеялись. Мне стало легче рядом с ней, чем с женщиной из кабинета, которая все время называла меня «наша кандидатка».

Мама смотрела на мой открытый шкаф.

— С людьми вообще страшно, — сказала она наконец. — Но жить ведь надо.

Из комнаты вышла Варя. Увидев бабушку, сразу спросила, привезла ли та блинчики. Мама оживилась, встала к плите, хотя разогреть было еще нечего.

Мне позвонила Римма Аркадьевна из переплетной. Спросила, как я себя чувствую и не спешу ли снова к своим заказам. Я начала объяснять, что через несколько дней сама попробую зайти, и вдруг услышала собственный голос: деловитый, почти обычный.

— У тебя все хорошо? — спросила она.

— Нет.

Я сказала это впервые человеку, которому не обязана была рассказывать подробности. Она помолчала.

— Тогда книги подождут. Не все, конечно. Но эти подождут.

Я поблагодарила.

К обеду пришло сообщение Павла: «Как вы? Завтра созвонимся насчет Вари». Я прочитала маме. Она сказала, что ответила бы ему, но сдержится.

Варя ела блин, макая край в сметану. Потом спросила:

— А теперь у нас совсем не будет квартиры?

Я села рядом.

— Будет. Мы все равно ее купим.

— Только без папы?

Я кивнула. Она доела молча. Потом принесла из комнаты школьный пенал и положила возле моей папки: хотела, чтобы я записала, какая комната ей нужна.

Глава 3. Андрей еще не знал

В понедельник Андрей позвонил сам. Я смотрела на его имя и надеялась, что Вера успела. Мне очень хотелось хотя бы этого не делать за нее.

— Нина, вам удобно? Вера говорит, вы просили со мной связаться.

За окном дворник отбивал лед у водостока. Я отошла от окна, чтобы лучше слышать.

— Она не объяснила, зачем?

— Сказала, что, возможно, вопрос по документам. Что-то не пришло?

Я закрыла глаза.

Андрей не участвовал в наших ежедневных разговорах. На обследования приезжали вдвоем, но в переписке чаще была Вера. Он спрашивал про самочувствие, благодарил, слушал ответы. Ни разу не положил руку мне на живот без разрешения — даже когда жена убеждала, что все свои. Я запомнила это тогда, хотя не придавала большого значения.

— Деньги пришли, — сказала я. — С документами все в порядке. Это про Павла.

Он не перебил. Мне пришлось продолжить.

— В субботу он от меня ушел. Сказал, что будет жить с вашей женой.

Я услышала, как где-то рядом с ним закрылась дверь. Потом стало совсем тихо.

— Что вы имеете в виду?

Пришлось повторить. Медленнее, с именами, будто проблема была в плохой связи.

— Они вместе с ноября. Так он сказал мне. Я не знаю, что говорила вам Вера.

Он несколько раз вдохнул. Я почти физически чувствовала, как ему хочется найти в моей фразе другое значение. Сама ведь два дня назад переспрашивала, к какой Вере он уходит.

— У вас есть какое-нибудь основание, кроме его слов?

Я отодвинула телефон от уха. Мне стало стыдно, как будто я пришла с грязной сплетней и теперь должна предъявить снимки.

— Он собрал чемодан. Уехал. Вера в разговоре не отрицала. Больше я ничего не собирала.

— Я не хотел вас...

— Я знаю.

Нет, я не знала. Но спорить с ним за интонацию сейчас было невозможно.

Он попросил несколько минут и отключился. Я осталась стоять посреди кухни. Мне хотелось вымыть руки, хотя я ничего не трогала. Вера умудрилась передать мне еще и этот разговор — поверх беременности, родов, возвращения домой. Я все еще делала для их семьи то, чего сама она не могла или не хотела.

Через час позвонила Вера.

— Зачем ты ему сказала?

— Нужно было соврать?

— Я собиралась сама. Сегодня. Ты могла подождать.

Я не спросила, сколько именно: день, месяц, пока я перестану выглядеть такой уставшей, чтобы никому не было неловко. Села на табурет, придержала телефон плечом.

— Он позвонил и спросил про документы. Я ответила.

— Нина, у нас ребенок. Ты понимаешь, в каком он сейчас состоянии?

— Андрей?

Она не ответила сразу.

— Я про Тима.

Я посмотрела на край стола. Там остался след от резака: Павел однажды решил помочь мне с картоном и продавил подложку. Я провела ногтем по зарубке и убрала руку.

— Ребенку тринадцать дней, — сказала я. — Он не знает, о чем мы разговариваем. Зато, что знаем мы с тобой, отвечать придется нам.

— Ты сейчас жестока.

Я положила трубку на стол. Не отключила, просто отняла от лица. Вера еще что-то говорила. Потом замолчала, и разговор закончился.

Я боялась, что начну ей писать: объяснять, доказывать, перечислять каждую неделю. Вместо этого открыла Варину школьную тетрадь. Она просила проверить задачу: из одной коробки перекладывали карандаши в другую. В условии было всего три числа. Я выписала их на обрывок бумаги и не смогла понять, что с ними делать.

После школы Варя спросила, звонил ли папа. Я сказала, что пока нет. Она поддержала телефон, посмотрела на часы, отнесла обратно.

Вечером Павел все-таки набрал ее. Я ушла в ванную, чтобы не слушать. Через стену слышала только Варин голос: «Да», «Нет», «А в воскресенье точно?»

Когда вышла, она рисовала в альбоме. На листе был огромный дом, а рядом маленькая скамейка. Людей пока не нарисовала.

— Мам, ты с папой разговариваешь?

— Когда нужно о тебе договориться — разговариваю.

— А просто?

Я покачала головой.

Она обвела окно красным фломастером. Я села на край ее кровати и посидела, пока она не начала рассказывать, что в классе сломалась точилка. Мне нужно было слушать про точилку внимательно. Хоть это я могла.

Поздно вечером Андрей прислал сообщение: «Я поговорил с Верой. Мне жаль, что вам пришлось это говорить. Я не знал».

Я набрала: «Теперь знаете». Посмотрела и стерла. Он не заслужил моей злости только потому, что тоже оказался рядом.

Ответила: «Понимаю».

Через минуту он написал еще: «Если будет вопрос по программе, пожалуйста, связывайтесь со мной напрямую. Не через Павла».

Я хотела сказать, что никаких вопросов по программе больше не будет. Что я подписала согласие на запись родителей, получила свое, и нас теперь ничто не связывает. Но палец завис над экраном. Снова прочла его «я не знал». Вспомнила, как он переспросил меня по телефону и замолчал, когда пришлось повторить.

Я убрала телефон подальше от кровати. На ночь переставила Варин будильник: в школу мы теперь ходили вдвоем.

Глава 4. Мои руки помнят вес

В клинику я приехала одна. В сумке лежали сменная обувь и папка, которую раньше носил Павел. У входа пришлось остановиться: женщина впереди придерживала дверь для мужа с автокреслом. Младенца не было видно под краем пледа.

— Проходите, — сказала она.

Я поблагодарила и почему-то пропустила ее первой.

На приеме врач спросила, кто помогает мне дома. Я ответила: мама. Она отложила ручку, посмотрела внимательнее.

— Как вы спите?

— Когда Варя спит, я тоже стараюсь.

Врач подождала. Я расправила край простыни на коленях и добавила:

— Плохо сплю. Часто просыпаюсь.

Я сказала про мужа. Оказалось, говорить об этом женщине, которая только что спрашивала про выделения и боль, легче, чем собственной подруге. Здесь не нужно было предварительно изображать приличную жизнь.

Она спросила, есть ли у меня возможность поговорить с психологом программы. Я сказала, что думала, все встречи уже закончились. Врач нашла номер, написала на обратной стороне листа. Потом вернулась к моим жалобам, уточнила, где болит. Я перестала следить за ее лицом, ожидая жалости.

Алла приняла меня после обеда. Я провела лишние полтора часа в городе, съела невкусный сырник и дважды собиралась уехать. В кабинете сказала сразу:

— Я не хочу забирать ребенка. Чтобы мы об этом не говорили весь час.

— Хорошо, — ответила она. — А о чем хотите?

Я сняла с сумки ремень, распутала, снова пристегнула.

— Не знаю. Мне кажется, я осталась совсем пустая. А потом становится стыдно: у меня ведь есть дочь.

Алла спросила, когда это ощущение сильнее. Я перестала теревать ремень сумки: к разговору о том, как мне повезло с дочерью, готовилась зря.

Я рассказала про утро. Просыпаюсь раньше будильника и несколько секунд прислушиваюсь к квартире. Потом вспоминаю, что никто не заплачет. Варя давно спит спокойно, а мальчик дома у Веры. Я это знала заранее. Только раньше рядом еще дышал Павел. За последние недели я привыкла просыпаться от любого движения внутри. Теперь прислушивалась понапрасну. И повернуться к Павлу тоже больше не могла.

— Вы держали Тима после родов? — спросила Алла.

— Да. Недолго.

Я до сих пор помнила, как он помещался вдоль предплечья. Не лицо — его я разглядела плохо, — а вес. Плотная теплая тяжесть, которая вдруг стала отдельной. Я думала тогда: вот ты какой, а мы все спорили из-за твоего имени. Вера хотела Тимофея, Андрей сначала предлагал назвать в честь отца. У них был целый спор, в который мне не полагалось вмешиваться. Я и не вмешивалась. Но слышала.

Я сидела перед Аллой и прижимала ладонь к локтю. Поймав себя на этом, убрала руки на колени.

— Это пройдет? — спросила я.

— Мы можем встречаться. И смотреть, что именно вам трудно. Вам не нужно сегодня доказывать, что вы все выдержали правильно.

Я рассердилась на слово «правильно». Именно этого мне и хотелось — чтобы кто-нибудь подтвердил, что я хорошая женщина, все сделала как договаривались и теперь имею право не справляться. Но я не хотела просить такого подтверждения вслух.

Мы договорились о следующей встрече. Когда я вышла, телефон показал три пропущенных от Светы.

— Ты где? — спросила она.

Я сказала.

— Почему не позвала?

— У тебя смена.

— У меня сегодня нет смены. У меня сегодня Мишин стоматолог, но это в пять. Где тебя подобрать?

Я начала отказываться. Света выслушала и сказала:

— Нин, у меня есть час. Я могу тебя довезти или могу весь этот час с тобой спорить. Выбирай.

В машине пахло мандариновой жвачкой. На заднем сиденье валялась спортивная кофта ее сына. Я попросила остановиться у мастерской: хотела забрать свои инструменты.

Римма Аркадьевна встретила меня в рабочем фартуке. У нее на щеке прилип маленький кусочек бумаги, я сняла. Она даже не заметила.

— Твой отец звонил, — сказала она. — Спрашивал, не нужен ли мне помощник. Я ответила, что сорок лет от него отбивалась, поздно теперь сдаваться.

Я засмеялась. Папа прежде работал здесь же, пока слух не стал подводить. Они с Риммой спорили из-за способа крепления корешка даже тогда, когда оба уже согласились.

Мой резак лежал в ящике, деревянная линейка — на стене. Я провела по ней пальцем. На сгибе осталась темная полоска старого клея.

— Я не музей, — сказала Римма. — Не гладь, забирай. Только без подвигов. Стол дома не заставляй до ночи.

Я попросила пару несложных заказов на следующую неделю. Она отдала два семейных альбома, требовалось заменить обложки. Первый был полный фотографий, второй совсем пустой, подарок на юбилей.

Я взяла оба. Света помогла донести до машины. Дома Варя спросила, можно ли ей выбрать ткань для пустого альбома. Мы разложили остатки на столе. Она остановилась на желтой, потом передумала, приложила темно-синюю.

Я подтянула вторую лампу. Варя прикладывала синий лоскут к желтому, смотрела на просвет и снова меняла их местами. Я ждала, пока она выберет.

Глава 5. Воскресный папа

Павел приехал за Варей с большим пакетом. В нем оказались новые перчатки, сладкая вата в пластиковой банке и конверт с билетами в кино. Я посмотрела на перчатки: Варе нужны были варежки. В перчатках у нее мерзли руки.

— Ей такие нравятся, — сказал он, заметив мой взгляд.

Мы стояли в прихожей. Чемодана больше не было, и почему-то проход казался уже.

Варя вышла в свитере, который не любила. Я не стала спрашивать, почему надела именно его. Павел похвалил, она поправила ворот.

— До семи, — сказала я.

— Посмотрим, как пойдет. Может, поужинаем.

— Паша, до семи. Завтра школа, еще читать.

Он вздохнул так, как вздыхал прежде над моим списком продуктов: опять у нас все по минутам. Я почувствовала знакомую неловкость. Раньше после этого сама смягчала правило, чтобы не выглядеть занудой. Сейчас промолчала.

Он взял дочь за руку. Уже на лестнице она спросила, пойдут ли они на каток. Павел сказал, что сегодня мороз, лучше кино. Я не слышала ее ответа.

Я закрыла дверь и сразу захотела открыть. Стоять на пороге, пока они не дойдут до машины. Раньше это было бы обычное провожание, теперь стало похоже на надзор. Я вернулась на кухню.

В квартире было слишком тихо. Я поставила чайник, достала альбом, приготовила картон. Работа требовала измерить, разметить, проверить диагонали. Хорошие понятные действия. Через двадцать минут обнаружила, что обвела одну и ту же крышку дважды и испортила кусок ткани.

Позвонила Свете. Она слушала, пока я говорила, что не знаю, куда себя девать.

— Ты можешь просто прийти ко мне, — сказала она. — Только у нас сегодня никакого сочувственного ужина. Миша разбил полку, я разбираю ванную.

Я пошла. Мы два часа складывали баночки, выбрасывали старое, спорили, зачем ей три одинаковых расчески. Миша выходил и каждый раз спрашивал, можно ли уже пользоваться раковиной. Я поймала себя на том, что смеюсь без усилия, а потом тут же почувствовала вину. Не перед Павлом. Перед собой утром, которая почти не могла дышать.

Домой вернулась в половине седьмого. Павел привез Варю в восемь десять.

— Телефон почему не брал? — спросила я.

— За рулем был.

Он иногда брал у Веры машину. В восемь прислал: «Выезжаем». Я звонила с семи, три раза. Варя стояла рядом и развязывала шнурок. Я отложила разговор.

— Завтра созвонимся, — сказала ему.

Он кивнул с облегчением. Дочь поцеловал в макушку. Я заметила на ее рукаве белую шерстинку. У нас дома животных не было.

— Ты ела? — спросила я, когда он ушел.

— Да.

— Что смотрели?

— Мульты.

Она сняла свитер, аккуратно повесила. Обычно бросала на кровать. В пакете лежала нетронутая сладкая вата.

Мы пошли умываться. Варя спросила, можно ли сегодня не читать. Я разрешила пять страниц вместо десяти. Она кивнула и принесла книгу, но так и не открыла.

— У них маленькая собака, — сказала наконец.

Я села на край дивана.

— У кого?

Варя посмотрела на меня испуганно. Тут я поняла, что ответ уже знаю.

— Ты была у Веры?

Она закивала, потом быстро добавила:

— Папа сказал, мы только на минуту. Тимка плакал. Там все равно было скучно.

Я потерла ладонью колено. Хотелось спросить сразу все: сколько пробыли, кто был дома, о чем говорили. Но дочь смотрела на меня, как на учительницу возле испорченной контрольной.

— Ты можешь рассказывать мне, где была, — сказала я.

— Папа сказал, ты расстроишься.

Я встала и подошла к окну. Нельзя было сейчас ответить первым, что пришло в голову.

— Я уже расстроена, — сказала, повернувшись. — Не из-за тебя. Тебе не нужно выбирать, что мне можно знать.

Варя прижала книгу к животу.

— А потом Тимка уснул, и папа все время говорил: тише, тише. Я только перчатку уронила.

Я вернулась к ней. Дочь не плакала, но держала плечи высоко, почти возле ушей.

— Тебе было неприятно?

Она пожала плечами.

— У него там детская. С облаками. Я видела, когда мы заезжали раньше. Только тогда папа говорил, что это не наш ребенок. А теперь его?

Я долго не могла ответить. Варя ведь знала, кто Тиму отец. Но сейчас ее папа входил в ту детскую, просил не шуметь, оставался там ночевать. А от нее уезжал.

— У Тимы есть папа Андрей, — сказала я. — Твой папа теперь живет в том доме, но твоим папой он от этого быть не перестал.

— А зачем он тогда туда поехал со мной?

Я взяла ее за руку.

— Это надо у него спросить. Я сама спрошу.

Мы прочли три страницы. На четвертой Варя заснула, уткнувшись щекой в мое плечо. Я не двигалась, пока не затекла спина. Потом переложила ее на подушку и накрыла.

Павлу написала: «Не проси ее скрывать от меня, где она была. И время возвращения надо соблюдать».

Он ответил почти сразу: «Нин, давай без войны. Ребенку лучше, если все нормально общаются».

Я набрала: «Я же не запрещаю тебе...» — и остановилась. Стерла начало. Написала только: «До семи. Предупреждай, если задерживаешься».

Глава 6. Чужая коляска

Я увидела Андрея у аптеки. Он стоял возле коляски и читал что-то в телефоне. На плече куртки темнело мокрое пятно. Сначала я решила пройти другой стороной, но он поднял голову.

— Здравствуйте.

Я остановилась.

— Здравствуйте.

Мы смотрели друг на друга слишком внимательно для обычной встречи. Он похудел, или просто шарф лежал иначе. Под глазами были тени. Я подумала, что выгляжу, наверное, не лучше, и разозлилась на это соревнование, которого никто из нас не устраивал.

— Как вы? — спросил он.

— Уже хожу везде сама.

Сказала и услышала, насколько странный ответ. Андрей, однако, кивнул, будто я сообщила что-то важное.

Тим лежал с закрытыми глазами. Между шапкой и воротом была видна узкая полоска кожи. Я не стала наклоняться. В голове еще жила фотография из роддома, а передо мной был ребенок, который почти месяц рос отдельно от меня. С каждым днем я знала его все меньше.

— Он с вами?

— Сегодня да.

Я не спросила, где Вера. Андрей сам добавил:

— Мы сейчас договариваемся, как быть дальше. Я пока снял квартиру рядом. Так проще приезжать и забирать его.

— Вера разрешает?

Он посмотрел на меня.

— Мы договорились. Почему нет? Я же отец.

Я кивнула. Мне стало неловко за вопрос, хотя он был не совсем про разрешение. Я представляла себе чужой дом: Павел за столом, Вера с ребенком, Андрей за дверью с пакетом.

Из аптеки вышла женщина, придержала дверь. Андрей спросил, не подождать ли мне здесь пару минут: ему нужно было забрать заказ. Я ответила, что подожду, и только когда он отошел, поняла, что осталась с коляской одна.

Тим пошевелился. Открыл рот, нахмурился, но не проснулся. Я стояла рядом, не касаясь ручки. Люди проходили мимо, один мужчина улыбнулся мне, как обычно улыбаются женщинам с младенцами. Я почти сказала ему, что это не мой.

Вместо этого шагнула в сторону, чтобы он мог пройти.

Андрей вернулся быстро. Извинился, хотя я не ждала и пяти минут. Мы пошли вдоль сквера.

— Я не собирался навязывать прогулку, — сказал он.

— Я сама в эту сторону.

На самом деле мне нужно было свернуть раньше. Я продолжала идти, не понимая, зачем вру о такой мелочи.

Он спросил про Варю. Не про то, как она переносит разрыв, а просто — в каком классе учится. Я рассказала про школьный танец, который мы теперь слышали каждый вечер, и про учительницу, запрещающую фломастеры. Он улыбнулся.

— У меня в первом классе тоже запрещали. Я думал, потому что взрослые специально покупают все хорошее, а потом прячут.

Я засмеялась. Коляска покачивалась на неровных плитках. Тим спал, и нам не нужно было ни о чем договариваться с ним прямо сейчас.

— У вас кто-то есть рядом? — спросила я.

— Сестра в другом городе. Мать пока не знает всего. Не хочу объяснять по телефону.

— Думаете, потом будет легче?

— Нет. Думаю, мне просто хочется еще несколько дней не слышать ее голос, когда скажу. Это было так понятно, что я посмотрела на него впервые без мысли о Вере.

У перехода загорелся красный. Андрей подтянул рукав куртки. На запястье виднелся светлый след от часов.

— Забыл снять часы, когда купал, — пояснил он, поймав мой взгляд. — Дома сохнут. Надежды мало.

— Павел утопил свои в раковине. Сказал, что заодно помыл.

Мы оба замолчали. Имя возникло легко, по старой привычке. Я не собиралась делиться милыми подробностями о человеке, с которым у Андрея теперь было слишком много общего.

— Не надо себя останавливать каждый раз, — сказал он.

— Вам неприятно.

— Да. Но мне многое неприятно. Вы тут не главная причина.

Тим проснулся на другой стороне улицы. Андрей наклонился, заговорил с ним тихо и немного смешно: слишком серьезно объяснял, куда мы едем. Я отвернулась, чтобы он не подумал, будто я оцениваю.

До моего дома было еще два квартала. Я сказала, что дальше пойду одна. Андрей не стал предлагать проводить.

— Спасибо, что подождали, — произнес он.

— Да не за что.

Я сунула руки в карманы. Там лежал чек из магазина бумаги. Вспомнила, что забыла купить клей, за которым и выходила.

Возвращаться к аптеке не хотелось: Андрей мог решить, что я ищу еще одной встречи. Я пошла длинной дорогой через площадь. Это было нелепо. Мне тридцать один год, у меня дочь и целый ящик документов о чужом ребенке, а я боялась показаться навязчивой мужчине, который попросил пять минут постоять у коляски.

Вечером он написал: «Варе фломастеры можно купить для дома. В школе у них и так много запретов».

Я прочла сообщение дважды. Ответила, что она уже хранит их в коробке от моих дорогих ниток. Он прислал смеющийся значок, и на этом разговор закончился.

Я убрала телефон и вернулась к альбому. На этот раз ничего не измерила дважды.

Глава 7. Цена моего согласия

В начале марта я пошла к юристу. До этого три недели думала, что мы обойдемся без посторонних. У нас нет машины, дачи, общего дела. Есть дочь, старый холодильник и привычка говорить друг другу «мы же взрослые люди». Мне казалось, этого должно хватить.

Галина Руднева попросила принести все документы сразу, включая те, которые я считала неважными. Я разложила папки на ее столе и почувствовала себя школьницей: сейчас выяснится, что распечатала не то.

Она прочла брачный договор. Сверила платежи. Задала несколько вопросов, на которые я отвечала дольше, чем ожидала.

— Вот эти деньги уже потрачены? — спросила она.

— На обследования и обычные расходы во время беременности. Здесь по месяцам.

— Хорошо. А это основная выплата?

Я кивнула.

Галина отделила один комплект от другого. Объяснила, что нельзя обсуждать все сразу одним словом «деньги»: договор, возмещение расходов, остальные наши приобретения. Сказала, какие бумаги нужны еще. Я спросила, придется ли еще встречаться с Павлом. Галина ответила, что, скорее всего, да, хотя многое она возьмет на себя. Я все-таки надеялась, что теперь смогу отдать ей папки и больше с ним не спорить.

— По дочери он помогает? — спросила она.

— Пока покупает подарки.

— А платежи?

Я посмотрела в телефон. С тех пор как ушел, Павел дважды перевел небольшие суммы. Один раз подписал: «Вареньке». Мы оба знали, что продукты я куплю и без этой надписи.

— Сумму нужно закрепить письменно, — сказала Галина. — Подарки в нее не включайте. Я подготовлю проект, вы прочтете, потом обсудим. С днями встреч разбираемся отдельно.

Я записала. Она остановила мою ручку:

— Я пришлю вам список. Здесь много дат, не надо все записывать со слуха.

От такой точности стало легче.

После приема я зашла в небольшой магазин у остановки и купила себе теплые носки. Раньше выбрала бы Варю. Я держала пакет и злилась на то, какой особенной показалась эта простая покупка.

Павел приехал вечером. Галина предложила сначала обменяться документами, и я попросила его привезти то, чего у меня не было. Он вошел, посмотрел на переставленный стол.

— Удобнее стало?

— Светлее. Давай сюда.

Мы сели на кухне. Варя была у бабушки. Он положил бумаги, достал из кармана маленький игрушечный фонарик.

— Ей купил. С проекцией зверей.

— Оставь.

Он покрутил фонарик, потом все же убрал к бумагам.

— Ты правда решила квартиру брать сейчас?

— Я для этого и шла в программу.

— Я понимаю. Только ты могла бы не бросаться. Мы обсуждали другой район.

— Мы обсуждали, когда собирались жить вместе.

Он почесал висок. На пальце у него еще было кольцо. Я свое сняла неделю назад, когда мешало работать, и оставила в коробочке с пуговицами. Никакой торжественной минуты не получилось.

— Я ведь тоже весь год работал, — сказал Павел. — Мы жили на мои деньги в том числе.

Я положила ладонь на папку. Еще немного — и стала бы перечислять, сколько из тех денег ушло на продукты и Варину одежду. Цифры я помнила. Павел ждал, и я убрала ладонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.